

УДК 159.9.019.2
ББК 88.45

ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В.А. Мазилев

В работе рассмотрены основные задачи исследования мышления в гештальтистской школе в историческом контексте ее развития. Выделены и подробно описаны этапы эволюции гештальттеории мышления.

Ключевые слова: *гештальтпсихология, мышление, творческое мышление, история психологии, экспериментальная психология.*

Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 г. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии в первой половине XX в., гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» [11, с. 81]. М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. и выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В. Вундт, Э.Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» [13, с. 44]. Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке.

Предваряя анализ проблемы целостности в гештальтпсихологии, отметим, что проблема целостности является одной из центральных проблем психологии и явно относится к классу «вечных» проблем. В том, что психика человека целостна, надо полагать, всерьез не сомневался никто и никогда. Поэтому вопрос о целостности заключается не в том, целостна психика или нет, а как эту целостность понимать, как ее анализировать. Можно констатировать, что уже в античности были сформулированы принципиально различные подходы к пониманию целостности. По Демокриту, целостность понимается как совокупность атомов (атом – далее неделимый). Согласно такой логике постичь целое можно через его элементы и их отношения. Другая позиция была предложена Платоном, согласно которому существуют целостные образования, которые не являются простыми, но, тем не менее, путь их постижения не является конструктивным, так как само целое имеет свою природу и является первичным по отношению к элементам.

Как хорошо известно, научная психология была конституирована во второй половине XIX столетия Вильгельмом Вундтом. В. Вундт обосновал физиологическую психологию как эмпирическую дисциплину, использующую метод эксперимента, что отвечало формальным требованиям «двойной программы» Канта [8; 9]. Элементаризм научной психологии определялся именно кантовской критикой. Вундт создавал свою систему физио-

логической психологии, пытаюсь устранить недостатки, зафиксированные в основных положениях критики Канта. Эти положения, напомним, частично пытались учесть предшественники Вундта (например, И. Герbart, использовавший математику, но полагавший, что психология «не смеет экспериментировать»). Полностью кантовскую «двойную программу» осуществил создатель научной психологии В. Вундт. Нам важно отметить, что научная психология мыслилась Вундтом как позитивистская наука: ему представлялось, что как только будут выполнены требования (исследовать факты), законы психологии «откроются», а психология превратится в столь же достойную науку, как химия (напомним, она служила идеалом научности, именно по ее образцу немецкий ученый строил психологию). Вундтовская концепция стала образцом психологии атомистической и элементаристской, атомизм и элементаризм критиковались представителями многих направлений в последующей психологии. Это настолько хорошо известно, что стало «общим местом». Куда менее известно другое: Вундт вовсе не был (как это часто представляют) противником целостности. Приведем небольшую цитату из его работы: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем “психическими соединениями” в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, то есть являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» [4, с. 118]. И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов.

При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» [4, с. 118]. Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» [там же, с. 118–119]. Согласимся, что такого психолога трудно считать противником целостности. Заметим, что, когда мы говорим о целостном подходе, на первый план чаще всего выходят вопросы методологические. Современник Вундта Франц Brentano, развивавший целостный подход и отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к постижению целого. По мысли Brentano, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно *от целого*.

Этапом в развитии целостного подхода явилась известная работа Вильгельма Дильтея, известная у нас под именем «Описательная психология» (1894). Значительная часть этой книги посвящена критике конструктивного подхода в психологии, образцом которого является вундтовская психология. Решение Дильтея также широко известно – психология должна развиваться как описательная, расчленяющая наука. За основу берется целое, оно расчленяется по особым правилам, не нарушающим важнейших связей. Если говорить о развитии идеи целостности в психологии, нельзя не упомянуть исследования школы «качества формы» и конечно же гештальтпсихологии, для которой проблема целостности стала центральной. Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том,

как трактовать причины этой целостности. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила – апперцепция, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы» создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологии состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились каким-либо «псевдообъяснением» (указанием на какие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они старались обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер проводил свои известные исследования по коллоидной химии. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников.

Прежде всего, еще раз подчеркнем, что идея целостности в психологии никоим образом не представляет собой «инновации» сегодня и не представлялась таковой в начале двадцатого столетия. Более того, в двадцатые годы прошлого века стремление к целостному анализу психического было едва ли не доминирующим направлением в психологии [11]. Чтобы подобное утверждение не показалось преувеличением, обратимся к работе современника. Один из известных советских психологов Владимир Александрович Артемов в 1927 г. находился в течение пяти месяцев в научной командировке в Германии и, вернувшись в СССР, в 1928 г. опубликовал большую статью (в двух частях), посвященную анализу современного состояния немецкой психологической науки. Эта статья (особенно первая часть) представляет для темы нашей работы особенный интерес, поэтому остановимся на ее содержании более подробно.

Характеризуя картину немецкой психологии во второй половине двадцатых годов XX столетия, В.А. Артемов выделяет в ней 19 научных направлений и школ. Большинство из них так или иначе связаны с целостным подходом [1; 2]. Это дает основание В.А. Артемову сделать важный вывод: «Перечисленное обилие направлений современной

немецкой психологии было бы дурно понято, если читатель предположил бы, что оно свидетельствует об отсутствии единой тенденции в этой психологии. Скорее, следовало бы утверждать обратное. Указанные школы в большинстве случаев являются лишь своеобразной модификацией, иногда почти капризным оттенком одного могучего потока современной психологической мысли Германии. Их множество зависит от интенсивности основного русла немецкой психологии. Все они принадлежат к одной и той же системе, характеризующейся определенным количеством общих для отдельных ответвлений признаков. Цементом, объединяющим почти все современные немецкие школы психологии, является их противопоставление себя старой, уже сходящей со сцены ассоциативной школе психологии. Борьба старого и молодого поколения в немецкой психологии, вызвавшая столь затяжной ее кризис, только что закончена и, как всегда в таких случаях бывает, в пользу молодого поколения. Об этом свидетельствует Интернациональный Конгресс психологов в Гронингене в 1926 г. и съезд немецких психологов в Бонне в 1927 г. После этих съездов даже ассоциативная школа психологии заговорила на новом модном языке целостных переживаний» [1, с. 69]. И далее: «Проблема целостности, целостного значения и целостного понимания фактов действительности – вот основная проблема новейшей философии и психологии в Германии. Если прошлый век, век пышного расцвета естествознания, одной из основных предпосылок своего научного мышления имел требование разлагать действительность на простейшие атомы и изучать эту действительность в статическом состоянии, хотя бы это и противоречило ее естественной, динамической природе, то двадцатый век, век, по мнению немцев, философии и психологии, требует обратного. Поэтому мы видим, что новейшая немецкая психология в ее целом окончательно порвала с тенденцией обособления и разложения психической жизни на изолированные друг от друга атомы-явления и перешла на изучение целостных переживаний (Ganzerlebnissen, Gestalten, Komplexen)» [там же, с. 70].

Отметим также, что В.А. Артемов делает важное замечание, касающееся взаимо-

связи идеи целостности и процессуального и генетического подходов: «Поскольку, далее, для всех целостных переживаний наиболее характерна их творческая динамика, а не автоматический пассивизм, на чем основывалось понятие ассоциации в старой школе психологии, постольку современная психология отказалась от механистического понятия Reiz-Antwort-Mechanismus'a и перешла на изучение динамики поведения в его творческих процессах и формообразованиях. В равной мере, исходя из тех же тенденций целостного мирозерцания, современная немецкая психология рассматривает человека в тесной связи с его социальной средой, уделяя при этом должное и чисто биологическим условиям поведения. Отсюда пышный расцвет социальной и массовой психологии в Германии и также попытки перекинуть принципы целостного мирозерцания и на физиологию, биологию и даже физику» [1, с. 70–71].

Проследивая предысторию идеи целостности в немецкой психологии, В.А. Артемов замечает: «Отцом этой психологии мы должны по праву считать Эренфельса. Эренфельс дал уже не только теоретические предпосылки современной немецкой психологии, он указал целый ряд конкретных случаев целостных психических переживаний. Он же, между прочим, ввел понятие Gestaltqualitat (качество целостного формообразования), подразумевая под ним, например, то седьмое, что при шеститонной мелодии создает ее именно как мелодию, что является сверх суммы этих шести тонов и что определяет каждый из них, как часть (но не элемент) целого» [там же, с. 75]. Согласно Артемову, «взгляды Эренфельса настолько сливаются со взглядами последователей и учеников современных руководителей немецкой психологии, что их отдельная характеристика была бы малоцелесообразной, так как вся эта статья посвящена изложению именно их построений. Поэтому в дальнейшем мы будем вести наше изложение таким образом, чтобы у читателя создалось определенное впечатление об общем образе, об общем Gestalt современной немецкой психологии, сознательно стирая различия отдельных направлений» [там же]. С такой постановкой вопроса сегодня согласиться нельзя, так как, на наш взгляд, позиция гештальтпсихологии радикаль-

но отличалась и от взглядов Эренфельса, и от других направлений, проповедовавших идею целостности, о чем было сказано выше.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Представляется полезным рассмотреть на конкретном историческом материале реальные стратегии и способы, использовавшиеся психологами для усовершенствования своих концепций. Это один из возможных путей практической «стихийной» интеграции в психологии. Об этом хорошо написал А.В. Юревич: «Все реже можно встретить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) “чистым” бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство из них не является адептом какой-либо “одной отдельно взятой” теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии, тенденция характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию. <...> Одним из проявлений социальной глобализации науки служит “размыкание” научных школ (которые Т. Кун называл “боевыми единицами допарадигмальной науки”, акцентируя, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции), их слияние, постепенное вытеснение “незримыми колледжами” и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых... Соответствующую тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: “Кто я – бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?” Наверняка, большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ “другое”, осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую “надшкольную” перспективу. (Исключениями служат “закоренелые адепты”, к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адепта одной из школ). Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик,

наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистами, и психоаналитиками, идеи и Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях, когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А «чистого» бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое и оторванное от реальности воображение» [12, с. 386–387].

Однако вернемся к проблеме мышления в гештальтпсихологии.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии, и гештальтпсихологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления [11]. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Суще-

ственно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтистской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихоло-

гии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов [9].

Вернемся к представлениям о мышлении, которые сложились в собственно гештальтпсихологии.

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В. Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении. В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.

2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.

3. Мышление есть трансформация, реструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).

4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).

5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии Вюрцбургской школе и бихевиоризму).

6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).

7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).

8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).

9. «Нерефлексивность» мышления – мышление есть принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, согласно исходным представлениям гештальтпсихологов, мышление рассматривалось исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно выделить три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 1920-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 1930–40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 1950–70-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальному установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимо-

связанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи.)

Уже в работах К. Дункера [5; 6; 14] содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления [5; 6].

Характеризуя книгу М. Вертгеймера [3], В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» [7, с. 11], «Вертгеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии» [там же, с. 22], использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операционных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» [там же, с. 23].

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала [16, S. 79]. Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером (1926, 1935). Это следует специально подчеркнуть, так как представляется совершенно неоправданным

мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают принадлежащим к этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления – анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» – или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?») в решении (или нерешении) задачи. Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда; более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. В этой работе Секея есть еще один крайне важный момент, ставящий проблему роли прошлого опыта в решении задач. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» [16, S. 87]. «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» [ibid, S. 88]. Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования... принадлежит, собственно, к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» [ibid, S. 94]. Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем, чисто вспомогательное значение, но,

как мы увидим, это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепции ученого.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется [14]. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения, в том числе, жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секей (40-е – начало 50-х гг. XX в.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т. п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (1950–70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоана-

лиза и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секей «Творческая пауза» [15; 16], посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяет почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

В последней статье Л. Секей в решении задачи различает следующие характеристики: 1) содержание мышления, 2) фазы (этапы) мышления, 3) механизмы мышления, в которых различаются манипуляции и операции (абстракция, аналогия, обобщение, отрицание и т. д.), 4) уровни организации мышления (терпимость или нетерпимость к противоречиям, нереалистическим предположениям и т. п.)» [15, S. 142]. По Секею, во время творческой паузы актуализируется различный опыт и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение [ibid, S. 149]. Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия «прошлый опыт» используется понятие «репрезентация», заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Это структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на инфантильные области репрезентации [ibid, S. 167]. Изучение мысли-

тельного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающем над кристаллографической проблемой, нахождению решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов и лишь психоаналитическая проработка конфликта приводит к тому, что мышление освобождается и становится способным двигаться дальше [15, S. 166].

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что фактически мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии [ibid, S. 141]. Заметим, кстати, что в книге Нормана Майера, другого представителя «постгештальтпсихологии», опубликованной в 1970 г., излагаются результаты исследований процесса группового решения задач, что совершенно чуждо гештальтистским традициям в изучении мышления [18].

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, так-

же обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за рамки научной школы. Это неизбежно, так как постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с узкими теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемов, В. А. Современная немецкая психология. В 2 ч. Ч. 1 / В. А. Артемов // Психология. Серия А. – 1928. – Т. 1, вып. 1. – С. 66–93.
2. Артемов, В. А. Современная немецкая психология. В 2 ч. Ч. 2 / В. А. Артемов // Психология. Серия А. – 1928. – Т. 1, вып. 2. – С. 32–58.
3. Вертгеймер, М. Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
4. Вундт, В. Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. – Вып. 1. / В. Вундт. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1912. – 136 с.
5. Дункер, К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления / К. Дункер // Психология мышления: сб.: пер. с нем. и англ. – М.: Прогресс, 1965. – С. 21–85.
6. Дункер, К. Психология продуктивного (творческого) мышления / К. Дункер // Психология мышления: сб.: пер. с нем. и англ. – М.: Прогресс, 1965. – С. 86–234.
7. Зинченко, В. П. Вступительная статья / В. П. Зинченко // Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. – М.: Прогресс, 1987. – С. 5–26.
8. Мазилев, В. А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности / В. А. Мазилев // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2005. – Вып. 1 (9). – С. 27–38.
9. Мазилев, В. А. Целостность и интеграция в психологии: (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) / В. А. Мазилев // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. – 2005. – Вып. 1 (3). – С. 38–40.
10. Теплов, Б. М. О Максе Вертгеймере, основателе гештальтпсихологии / Б. М. Теплов // Вопросы психологии. – 1981. – № 6. – С. 116–132.

11. Фресс, П. Развитие экспериментальной психологии / П. Фресс // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Вып. 1, 2. – М. : Прогресс, 1966. – С. 15–98.

12. Юревич, А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? / А. В. Юревич // Труды Ярославского методологического семинара. – Т. 3. – Ярославль : МАПН, 2005. – С. 377–397.

13. Ярошевский, М. Г. Гештальтпсихология / М. Г. Ярошевский // Общая психология : энцикл. слов. В 6 т. Т. 1. – М. : ПЕР СЭ, 2005. – 250 с. – (Сер. «Психол. лексикон»).

14. Duncker, K. On Problem-Solving / K. Duncker // Psychological Monographs. – 1945. – Vol. 58, № 5. – P. 1–113.

15. Szekely, L. Die Schöpferische Pause / L. Szekely // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. – Bern u. a. : Hüber, 1976. – S. 140–170.

16. Szekely, L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls / L. Szekely // Acta Psychologica. – 1940. – Bd. 5, № 1. – S. 79–96.

17. Wertheimer, M. Experimentelle Beiträge zur atbestandsdiagnostik / M. Wertheimer // Arch. f. die Ges. Psych. 6. – 1906. – S. 59–131.

18. Wertheimer, M. Productive Thinking. – Enl. ed. / M. Wertheimer. – L. : Ass. Book Publ., 1966 (First Ed., 1945).

19. Wertheimer, M. Psychologische Tatbestandsdiagnostik / M. Wertheimer, J. Klein // Arch. f. Kriminalantropologie, 15. – 1904. – S. 72–115.

20. Wertheimer, M. Über das Denken der Naturvölker / M. Wertheimer // Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. – Erlangen, 1925. – S. 106–163.

21. Wertheimer, M. Über Schlussprozesse in produktiven Denken / M. Wertheimer // Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. – Erlangen, 1925. – S. 164–184.

GESTALTPSYCHOLOGY: RESEARCHES OF CREATIVE THINKING

V.A. Mazilov

In article the primary questions of thinking in Gestalt psychology are considered. There are allocated and in detail described evolution stages of Gestalt theory of thinking.

Key words: *gestalt psychology, thinking, creative thinking, history of psychology, experimental psychology.*